

**Золотое правило:
иудейская традиция и формула Иисуса Христа ***

Аннотация. Статья продолжает историко-аналитический очерк Золотого правила нравственности. В ней показано различие в понимании Золотого правила Иисусом Христом и современными ему учителями ветхозаветной мудрости, сохранившими верность традиции. Для них это было способом осмысления основного нормативного содержания Торы, Иисус же видел в нем основоположение, выступающее в качестве критерия моральности.

Ключевые слова: Золотое правило нравственности, Гилель, Иисус Христос, Нагорная проповедь, Равнинная проповедь.

В иудейской традиции Золотое правило в его собственной формулировке появляется во втором веке до новой эры. Хотя и существуют отдельные мнения, что оно могло быть заимствовано из Месопотамии или возникло в результате языческих влияний, тем не менее, более достоверно и логично думать, что оно вызревает в рамках самого иудаизма. В Ветхом завете нет буквальной формулы Золотого правила, но в нем есть принцип (закон) любви, продолжением и конкретизацией которого оно является: «Люби ближнего твоего, как самого себя» (Лев.19:18). В двух примыкающих к ней и считающихся в иудейской традиции апокрифами нравоучительных текстах, в «Книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова» и «Книге Товита», уже есть утверждения, акцентирующие самый существенный момент Золотого правила: в них человеку предписывается, чтобы он в отношениях к другим руководствовался тем, что он находит желательным (наилучшим) для себя. «Суди о ближнем по себе и о всяком

* Предшествующие статьи историко-аналитического очерка «Золотое правило нравственности» см.: Гусейнов А.А. Золотое правило нравственности по Конфуцию // Освоение ойкумены прикладной этики: эскалация амбиций или критика утопичности. Ведомости прикладной этики. Вып. 52 / Под ред. В.И. Бакштановского. Тюмень: НИИ ПЭ, 2018. С. 111-118; Гусейнов А.А. Золотое правило в античной культуре // Прикладная этика в ситуации экспертизы идеологии и практики трансформирования университета. Ведомости прикладной этики. Вып. 53 / Под ред. В.И. Бакштановского. Тюмень: НИИ ПЭ, 2019. С. 66-72.

действию рассуждай» (Сирах. 31:17); «Что ненавистно тебе самому, того не делай никому» (Тов. 4:15). Это очень близко к требованию, чтобы индивид возвысил себя до морально ответственного субъекта своих отношений с другими.

Непосредственно Золотое правило в одной из своих адекватных форм возникает в раввинистической литературе в процессе толкования и письменной фиксации устной Торы. Наиболее точно и многозначительно оно сформулировано одним из самых известных учителей Торы Гилелем, который вместе со своим оппонентом Шамаем, представлявшем другую традицию, входил в Великое Собрание (собрание еврейских мудрецов – толкователей и хранителей Устной Торы). Вот как об этом сообщается в книге «Еврейские герои»: «Много историй рассказывают в народе о Гилеле и Шамае. Но одна полюбилась народу больше всех. Это история о том, как однажды пришел к Шамаю человек и попросил его объяснить смысл Торы, пока он стоит на одной ноге. Шамай рассердился и прогнал его прочь. Тогда он пошел к Гилелю и задал ему ту же задачу. Он ожидал, что и Гилель прогонит его. Но Гилель ничуть не удивился и не рассердился. – Я научу тебя Торе куда быстрее, – ответил он. – Не делай ближнему, чего не пожелаешь себе. В этом вся Тора. А теперь иди и учись. И его ученики запомнили истину «не делай ближнему, чего не пожелаешь себе» и передавали ее из поколения в поколение. Не забыли они и вторую часть из этой истины: "А теперь иди и учись"» [1]. Гилель (в отличие от Шамае) не отверг как вздорную претензию юноши подойти к требованиям Торы осмысленно – так, чтобы они одновременно могли выступать как его собственные установки.

Иудейская традиция Золотого правила исторически и теоретически интересна и ценна именно тем, что она с самого начала связывает это правило с учением Моисея, стремится осмыслить его место в контексте этого учения и для его понимания. Золотое правило рассматривается, во-первых, как выражение этической направленности Торы, фиксирующее то обстоятельство, что законы Моисея держатся не только на внешнем принуждении, но и на естественном стремлении индивидов к своему благу. Золотое правило не выводит за рамки Законов и Пророков, не заменяет их, оно говорит о том, что содержащиеся в них запреты запрещают то, что ненавистно, нежелательно самому действующему индивиду, должны быть ненавистны, нежелательны ему, поскольку он стремится к своему благу. Оно в приведенных выше иудейских источниках обрамлено вполне рядовыми предписаниями: не мстить сынам народа своего, не пресыщаться, не пить вина до опьянения и т.п., как если бы оно было однопорядковым с ними. Во всяком случае, оно не выделяется в качестве основопола-

гающего самостоятельного нравственного принципа: речь ни в коем случае не идет о том, чтобы рассматривать Золотое правило в качестве критерия ветхозаветных норм, оно скорее выражает субъективную обоснованность самих этих норм, которые выступают в этом случае как критерий правильности желаний. Во-вторых, особая акцентированная нагрузка, которую несет Золотое правило, заключается в том, что оно подчеркивает тот аспект Моисеева учения, который предполагает распространение его норм в части межлических отношений также и на не иудеев, оказавшихся в иудейской среде. Как сказано в Торе, «когда поселится пришелец в земле вашей, не притесняйте его: пришелец, поселившийся у вас, да будет для вас то же, что туземец ваш; любите его, как себя; ибо и вы были пришельцами в земле Египетской» (Левит 19, 33-34).

Позиция Гилеля имеет разную трактовку в самой иудейской традиции и в более широком контексте истории Золотого правила, в которой иудейская традиция рассматривается с точки зрения того, какое продолжение и новое понимание она получила в учении Иисуса Христа.

В иудейской традиции акцентируется тот момент, что правило сформулировано в ответ на просьбу не иудея, желающего принять иудаизм, и оно обозначает лишь первый шаг, исходную диспозицию для того, чтобы приступить к изучению Торы. Не безынтересно заметить, что в известном трактате «Пиркей Авот», посвященном суждениям законоучителей и мыслителей Талмуда, в разделе, где излагаются наиболее важные поучения мужей Великого Собрания, в том числе Гилеля, приводятся другие высказывания последнего, но не Золотое правило. В комментарии к современному изданию Торы, составленном д-ром Й. Герцем, главным раввином Британской империи, заповедь любви из книги «Левит» («Ваикра» в иудейской традиции), которой Гилель придал форму запрета, названа «Золотым правилом иудаизма» [5]. Подчеркнув, что основополагающее моральное правило пришло из иудаизма, комментатор считает, что оно связано с иудаизмом не только по происхождению, исторически, но и по существу. Основатель христианства, по его мнению, искажил правило: он оторвал его от традиции и от среды, в которой оно только и может адекватно обнаружить себя; придал ему позитивную форму, благодаря чему оно потеряло однозначность негативного действия; в новой перевернутой форме, когда за исходный пункт собственного действия индивида берутся не его собственные желания, а то, как он хотел бы, чтобы к нему относились другие, правило игнорирует обязанность человека заботиться о себе, своей семье, друзьях, других близких людях.

Утверждение Гилеля, согласно которой вся Тора заключена в Золотом правиле, и именно под этим углом зрения должен подходить к ней юноша, желающий стать иудеем, исключает такое понимание, будто данное правило делает изучение Торы излишним. Гилель, будучи еврейским мудрецом, выдающимся законоучителем, не мог так думать. Тем не менее, его позиция, рассмотренная сама по себе, допускает как минимум два различных толкования. Одно из них: чтобы изучать Тору и следовать ей, так как все в ней заключенное является полезным для человека, не может не быть желательным ему, ибо это соответствует его благу. Второе толкование может означать такой подход к Торе, когда она понимается как то, что не должно быть нежелательно ему, когда она рассматривается сквозь призму его стремления к благу. В первом случае речь идет о том, чтобы воспринимать предписания Торы как персонально значимые. Во втором – чтобы персонализировать сам взгляд на Тору, подход к ее предписаниям. Именно это направление персонализации нравственного поведения получило развитие в христианском учении о Золотом правиле.

Свою, по общему признанию, развернутую и наиболее совершенную формулировку Золотое правило получает в моральном учении Иисуса Христа. В Евангелиях оно произносится дважды, и оба раза в схожих контекстах, а именно – в рамках развернутых и цельных моральных проповедей и – в почти дословном совпадении. В Евангелии от Матфея: «Итак, во всем, как вы хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Мф.7:12). В Евангелии от Луки: «И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними» (Лк.6:31). Оставим в стороне анализ незначительных различий в словесном оформлении и контекстуальном расположении Золотого правила в этих двух случаях [6], хотя они, разумеется, имеют свою исследовательскую ценность: для нас важно подчеркнуть, что речь идет об одном и том же правиле и в рамках одного и того же учения, принадлежащего одному и тому же человеку, хотя и пересказанному двумя разными людьми. Для понимания того, что значило Золотое правило для Христа и какое место оно занимало в его учении, существенное значение имеют следующие моменты.

Во-первых, оно располагается в целостной проповеди таким образом, что его можно и следует понять как ее квинтэссенцию и итог, точку сбора всех наставлений и всей нравственной картины в перспективе земной и посмертной жизни человека. Оно является центром морали, ее основным принципом, ибо Иисус пришел исполнять закон и пророки, а они состоят именно в этом правиле: предложение, заключающее Золотое правило, в Евангелии от Матфея заканчива-

ется словами «ибо в этом закон и пророки». А проповедь Иисуса в изложении Луки – предостережением, что мало говорить «Господи, Господи», надо исполнять то, что говорит Господь, его волю. А Золотое правило и есть правило о том, как делать это на самом деле, не обманывая себя.

Во-вторых, Золотое правило является центром морали как практического сознания, ее первым принципом по той причине, что оно предписывает не то или иное конкретное предметное действие, а задает общую форму, внутреннюю архитектуру всех действий, в силу чего они только и могут быть моральными. Его можно считать правилом правил. С этой точки зрения исключительно важным является, если можно так выразиться, содержательная (материальная) универсальность Золотого правила, заключенная в начальных словах формулировки из Евангелия от Матвея: «Итак, во всем, как хотите...». Именно, во всем. Если воспользоваться известным делением этики на формальную и материальную, можно сказать, что Золотое правило – формально, но это – содержательная формальность. Она заключается в том, что именно действующий индивид, и только он, несет всю тяжесть и ответственность за совершаемые им действия. Что бы он ни делал, какими бы по своему материальному содержанию эти действия ни были, за отношение к себе, которое он испытывает в качестве их отраженного эха. Сам смысл правила, его специфика и оправдание в качестве особого – состоят в том, что оно обязывает действующего индивида брать на себя ответственность за все, что он делает, и предлагает для этого адекватный механизм, заключающийся в том, чтобы примерять каждое действие на самого себя.

В-третьих, Золотое правило задает принципиально асимметричный характер отношения: я и другие. Оно преодолевает идею расплаты и связанную с ней идею взаимности, на чем держались более древние, предшествующие ему нормативные институты, начиная с закона кровной мести и кончая установкой, что к друзьям надо относиться дружелюбно, а к врагам – враждебно, за добро платить добром, а за зло – злом. В евангельских текстах Золотое правило прямо связывается с требованием прощать врагов и любить ненавидящих, ибо, говорится в них, какая заслуга, если любить любящих, делать добро тем, кто тебе делает добро, давать займы тому, от кого надеешься получить обратно, ибо все это делают и грешники. Христово Золотое правило говорит о другом – о любви и добре по зову сердца, без ожидания ответа. Ему, как и морали в целом, не нужно дополнительного основания и обоснования, их метафизика – это метафизика сердца. Источником моральной энергии является

сам действующий индивид. Золотое правило, как и всякое правило человеческого общежития, задаёт определенную ось отношений – я и другие. Только оно в отличие от всех иных, которые в той или иной мере учитывают интересы обеих сторон и приводят их к приемлемому балансу, нацеливает не на то, чтобы учитывать интересы других, а на то, чтобы к другому относиться так, как к самому себе, действовать так, как если бы это был не другой, а ты сам.

В-четвертых, Золотое правило касается человеческого поведения, земных поступков в их многообразии, но исходит и ориентируется на божественный образец. В Евангелии от Матфея оно произносится сразу после призыва прощать врагов и ориентироваться на Отца Небесного, который дает блага просящим у него. В Евангелии от Луки оно следует непосредственно за призывами прощать врагов, благословлять проклинающих, молиться за обижающих, давать всякому просящему и не требовать назад от взявшего, и может быть понято как их краткое обобщение. Золотое правило замкнуто на высокий образец божественного совершенства. Оно трудно, но не невозможно для человека, решившего идти по пути добра. Последнее исключительно важно для понимания Золотого правила: когда оно предписывает человеку действовать так, как он желает, то речь идет не просто об эгоистически ориентированных эмпирических желаниях, а о желаниях, которые соответствуют должному, ведут к благу, ведут по пути Бога. Те, кто идет путем Золотого правила, идут путем Бога и это придает им силу. Но не только. Бог еще обещает им награду на небесах. Иисус обращается к нищим, страждущим, плачущим, называя их блаженными и говоря, что именно им, тем, кто является несчастным по земным критериям, принадлежит царство небесное. В обещании небесных наград можно усмотреть, конечно, и мотив расплаты, искажающий чистоту моральных помыслов. Но учитывая, что речь идет о награде от Бога и в другом мире, то основной смысл этих обещаний, компенсирующих земные невзгоды, заключается в том, чтобы оградить морального субъекта от эгоистических соблазнов.

В-пятых, связь с идеей Бога снимает проблему обоснования морали и Золотого правила как его резюмирующего нормативного выражения, говоря точнее, постулирует («обосновывает») их изначальный и принципиально автономный характер. Вопросы о том, откуда мораль и зачем быть моральным, почему Золотое правило, отпадают сами собой, остается лишь один: как быть моральным и следовать Золотому правилу. Для верующего христианина все такие вопросы снимаются и все сомнения разрешаются простым утверждением, что это сказал Христос.

В-шестых, позитивная формула Золотого правила в том виде, как она дана в учении Иисуса, не является иной по сравнению с его негативной формулой, еще меньше альтернативой ему. Она имеет расширительный характер и содержит в себе также негативную формулу Золотого правила в качестве одного из моментов. Это не вызывает сомнений, если учесть, что оно является кульминацией Равнинной проповеди у Луки и итогом Нагорной проповеди у Матфея, в которых, и в той, и в другой, особенно акцентировано и обильно у Матфея, присутствуют требования следовать фундаментальным запретам, таким, как не судить, не убивать и другим. Следование запрету, когда человек не совершает поступок, к которому его толкают живые страсти и который он мог бы совершить, но не делает этого в силу морального мотива и, следуя логике Золотого правила, он также совершает поступок, который в этом случае можно обозначить как негативный поступок. Ничто не препятствует тому, чтобы в понятие поступка, которое в формуле Золотого правила подразумевается под словом «поступайте», включить также негативный поступок как следование моральному запрету. Заметим, что говоря о Золотом правиле как специфически христианском каноне поведения в ранней христианской литературе в качестве аутентичной вполне естественно употреблялась его негативная формулировка. Так, говоря об обязательных требованиях к язычникам, принимающим христианство, апостолы, наряду с отказом от идолопоклонства, кровавых жертв и блуда, требуют лишь «не делать другим того, чего себе не хотите» (Ап. 15:29).

Закрепление Золотого правила в западной культуре в качестве основного принципа должного поведения, своего рода синонима самой морали, было связано с тем, что решающее воздействие на нее в течение многих столетий оказала христианская религия. Это не значит, конечно, что Золотое правило непременно отождествлялось с религиозной верой и в той мере, в какой это делалось, такое отождествление всегда оказывало благоприятствующее воздействие на нравственную атмосферу общества. Несомненно, однако, что религиозная мотивация придавала мышлению в духе Золотого правила значение смыслового проекта. Уже в одном из первых (относимых к 1-2 векам) предназначенных для катехизации текстов пути жизни, который противопоставляется пути смерти, характеризуется следующим образом: «во-первых, ты должен любить Бога, создавшего тебя, во-вторых, ближнего твоего, как самого себя, и всего того, чего не хочешь, чтобы было с тобою, и ты не делай другому» [2]. Рассмотрение Золотого правила в соотнесенности с законом любви, в качестве его прямой нормативной конкретизации характерно для

его понимания в рамках религиозно-христианского взгляда на мир и составляет, пожалуй, самое ценное в нем.

Список литературы

1. Еврейские герои. История Гилеля // [Электронный ресурс]. URL:< <http://chassidus.ru/library/heroes/hillel.htm>>
2. Дидахе.1:2 // [Электронный ресурс]. URL:<https://azbyka.ru/otechnik/pravila/didahe_rus/>
3. Луц У. Нагорная проповедь (Мф 5–7). М., 2014.
4. Пиркей Авот. Собрание комментариев. Том первый, 1 и 2 главы. Изд-во: «Кеилат Москва».
5. Тора. Пятикнижие и гафтарт. Ивритский текст с русским переводом и классическим комментарием «Сончино». Комментарий д-ра Й. Герца. Москва. Мосты культуры. Иерусалим, 1999.
6. Уолтз, Джеффри. Золотое правило. Пер. с англ. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2017.
7. *Dihle, Albrecht*. Die Goldene Regel. Eine Einführung in die Geschichte der antiken und frühchristlichen Vulgäarethik. Göttingen, 1962.
8. The Golden Rule. The Ethics of Reciprocity in World Religions. Edited by Jacob Neusner and Bruce Chilton. Continuum, 200